

Кто так коротко выстриг газоны?
жалкий ежик трехдневной щетины
на ветру, виновато-зеленый,
схвачен инеем. Рву паутину,
никого и ни в чем не неволю —
даже можете зубы не чистить,
не иду в поводу у тревоги —
хватит поводов, только причины.

Время нежных цветов отпылало —
терпкий, пряный горчит палисадник,
желтый, синий, и жесткие стебли
не согнут непокорные шеи.
Мост уходит трехмерным лекалом
к горизонту, бесстрастным глиссандо
резкий ветер акации треплет —
так позволь себе все, что умешь.

Мы так редко себя отпускаем
полетать над прощенной землею,
но на то и октябрь. Суетимся,
все надеемся — может, успеем.
Но молитвенник на аналое,
и гроза где-то ходит по краю,
обессилев. Прощаются птицы,
и уже распеваётся певчий.

Каждый лист подержать на ладони —
будто карты лежат вверх рубашкой,

будто ждешь там увидеть такое,
чего не было сроду в колоде.
Но с улыбкой фальшиво-парящей,
как ворона над аэродромом,
мне предложат — коньяк или кофе,
стылый чай, разговор о погоде.

Лишь октябрь — он не может иначе —
мокрой подписью, синей печатью
заверяет в туманах творожных
наше право на вдох и на выдох,
и в объятиях сумерек прячет
суеверно иные объятия —
в лицах дождь и листва, невозможность
быть друг другом — исчезнуть из виду.

* * *

Зимы — как не было. Наверно, страшный сон,
чистилище из пуганой подкорки.
Очнулся мир — истрепанный, босой,
прозрачный. Горький, взрослый, непокорный...
В весну — без проводов и тормозов.
Глаза огромны и остры ресницы.
Так трудно начинать с ее азов.
«Я видел все» — на бледных тонких лицах.

«Что видел ты — забудь, забудь, забудь...» —
ласкает луч, щекочет — «мы играем».
Фантомный след оставила на лбу
беда неровным воспаленным краем.
И нас слегка качает от зимы,
и лес ослаб, он на ветру бледнеет,
но дышит мартом. Первобытной тьмы
полны озера, побережья немь.

Сбежать ли от того, что наяву,
к тому, что — истина? Несложное задание.
Я заварю волшебную траву
и в шелку подгляжу за мирозданьем.
Но там — все то же. Путаный прогноз
о том, что доллар дорожает к йене.
А значит, хватит грызть граниты грез
и заниматься йогой сновидений.

Ты помнишь эту церковь на холме?
Ты помнишь — возносила и парила
в лучах и в молниях? Но, выйдя к ней во тьме,
не допусти дешевой эйфории.
Весна влечет сверх всяких вер и мер,
и назовет ее всяк сущий в мире мистик,

и, площадью в квадратный сантиметр —
живой детеныш, виноградный листик.

* * *

*Мой городок игрушечный сожгли,
И в прошлое мне больше нет лазейки.*
А. Ахматова.

Я родилась в игрушечном раю.
Порой он, правда, притворялся адом.
Там в голову беспечную мою
назойливо ввинтилось слово «надо»,
такое инородное. Реки
изгибы в балке прятались без счета,
казались высоки и далеки
цветные двухэтажные «хрущевки».

Я родилась поддерживать очаг
и Золушкой копать в мелочах,
учиться чечевицу от гороха
хотя бы понаслышке отличать.
И да минует случай страховой
лоскутный свет — и ласковый, и ладный,
где с миром был надежный уговор
у детства — в каждой клеточке тетрадной.

Рука слегка в чернилах — это я
теряюсь от сложнейшего вопроса —
какого цвета спинка воробья?
И бантики в горошек держат косы.

Тут раньше было дерево. Оно
пило корнями, возносилось в небо,
листвой светилось и цвело весной,
в ликующей головке был и небыль
сплетая в пряди, дождевой водой
промытые, змеилось сквозь тетрадки.
Теперь тут только крыши чередой
и дымоходы в шахматном порядке.

Мы гаснем долго, искрами во тьме —
вдруг занявшись и описав кривую,
немыслимую, сложную — взамен
луча, стрелы, мы проживаем все
и неумело... Но горим пока.
Как только отпущу свое начало —
я стану тенью в роговых очках,
как все, кто больше свет не излучает.

Пока не чудо, рукотворно —
как из лучей собрать звезду,
из кирпичей огнеупорных —
очаг, из блоков — виадук,

набросок вечности несмелый —
пока не спорится, плывет.
Папье-маше. Рисунок мелом.
И едок дым. И ломок лед.

Так много гредишь о свободе —
брось. На крыло — и вот летим.
Галлюцинации мелодий —
примета верного пути.

Полынный воздух электричек,
плетенье скошенной стерни.
У этой канители птичьей
есть тоже скомканные дни,

но ведь — летят. Покинуть Гамельн,
пока не вырастешь большой,
своими нежными мозгами,
своей стерильною душой.

ЛАСТОЧКЕ

Твой мир огромней моего,
стремительнее, необычней,
не зная слов — куда его
ты воплощаешь духом птичьим?
Не зная музыки — во что
ты проливаешь слезы, как ты
не задохнешься красотой,
ее простым и дерзким фактом?